

Выпускники консерватории: Герман Ларош — друг Петра Чайковского

5 (18) октября 2004 года исполнилось сто лет со дня смерти Германа Августовича Лароша, одного из талантливых представителей русской музыкальной критики XIX века.

В музыкальной жизни России Ларош — первый критик, который получил профессиональное музыкальное образование в Петербургской консерватории, где он учился вместе с П.И. Чайковским. Великий композитор и будущий блестящий критик познакомились в 1862 году, в классе фортепианной игры профессора А.А. Герке. Их дружба продолжалась в течение 30 лет и закончилась лишь в 1893 году, в год смерти Чайковского.

Творчество Чайковского, наряду с Глинкой, в дальнейшем стало одной из ключевых тем литературно-критической деятельности Лароша. В работах, посвященных Петру Ильичу, формируются основные черты его письма: прекрасное владение словом, потрясающая эрудиция, умение чувствовать, замечать самое важное. И это не случайно, ведь Герман Августович понимал своего друга как никто другой. Не пропуская ни одной премьеры, связанной с Чайковским, Ларош постоянно пишет о его творениях. Пример тому — второй том наследия Лароша, в котором прослеживается творческий путь композитора. Их связывала не только дружба, но и профессиональные интересы, которые нашли отражение в литературном наследии, в письмах, воспоминаниях и музыкально-критических статьях.

Взаимно поддерживая друг друга в различных жизненных ситуациях, Ларош и Чайковский испытывали огромное дружеское влияние. Именно Ларош смог увидеть в Петре Ильиче будущего композитора, написав ему об этом в письме 11-го января

1866 года (в тот момент, когда выпускная кантата Чайковского подверглась критике мэтров): «...вы самый большой музыкальный талант современной России. Более мощный и оригинальный, чем Балакирев, более возвышенный и творческий, чем Серов, неизмеримо более образованный, чем Римский-Корсаков, я вижу в вас самую великую или лучше сказать — единственную надежду нашей музыкальной будущности. ... Ваши творения начнутся, может быть, только через пять лет: но эти, зрелые, классические, превзойдут все, что мы имели после Глинки...» В свою очередь, Чайковский видел в друге именно музыкального критика, сказав ему об этом во время одной из бесед о музыке: «Вместо того, чтобы говорить все это, вы бы должны были это написать. У вас несомненное призвание стать музыкальным критиком».

Подобно тому как Герман Августович следил за творчеством Чайковского, Петр Ильич с интересом наблюдал за всеми выступлениями Лароша в печати. Доказательство тому — его письма разных лет. Надо сказать, что Чайковский сыграл большую роль в литературно-критическом наследии Лароша. Он не только увидел в своем друге критический талант, но и всячески поддерживал его. Если бы не Чайковский, многие статьи Лароша так и остались бы ненаписанными. В период кризиса, когда Герман переставал писать, Петр буквально заставлял его рассуждать, часами записывая под диктовку его статьи. Так, они порой вместе появлялись в печати. 80-е годы стали периодом соавторства двух музыкантов. Замечая в своем друге частую нерасположенность к регулярному и обязательному труду, Чайковский никогда не переставал верить в него: «...Ларош все-таки...может писать о музыке лучше, чем кто-либо в России», — утверждал Чайковский в одном из писем к фон Мекк (1 августа 1884 г.)

С большим сочувствием Петр Ильич относился и к композиторской деятельности Лароша. Так, в 1880 году Чайковский корректировал положенные на музыку Ларошем «Семь стихотворений Фета», а в 1886 году — сделал инструментовку увертюры к неоконченной опере Лароша «Кармозина». Нередко он включал произведения друга в свои концертные программы. Пример тому — последнее дирижерское выступление Петра Ильича, где «Кармозина» прозвучала вместе с Шестой симфонией. Чайковский видел в нем «громадное музыкальное дарование», «большой литературный талант», восхищался его «совершенно непостижимой эрудицией». И это неудивительно. В возрасте 17 лет, когда они познакомились, Герман свободно владел четырьмя языками, был чрезвычайно начитан. Но некоторые личные качества Лароша нередко вызывали недовольство Чайковского, порой — далеко не самые лестные определения. Однажды Петр назвал своего друга «присяжным критическим забиякой». «Как критик, он имеет много достоинств. Во-первых, он не узкий музыкант-специалист, он вообще человек, обладающий громадной массой сведений. Во-вторых, он превосходно пишет. К сожалению, эти два громадных достоинства парализуются следующим недостатком. Он непоседлив. Он часто противоречит сам себе. В общении с людьми Ларош человек невообразимо бестактный и вследствие этого имеющий мало друзей, но в кругу друзей как собеседник он неподражаемо остроумен, блестящ, несколько парадоксален, но всегда интересен. Как человека, несмотря на все его слабости, я его очень люблю!» — такая характеристика дана ему в письме Чайковского к фон Мекк в 1878 году.

Мир, созданный в музыкальной культуре содружеством Лароша и Чайковского, представляет для нас огромный интерес. Перед нами собрание музыкально-критических статей Лароша о П.И. Чайковском, издание 1922 года. Каждая пожелтевшая страница посвящена живым воспоминаниям о друге. Петр Ильич глазами Германа Августовича — «талантливый молодой человек», с «пылким» и «нетерпеливым» темпераментом, «быстрой походкой», быстрым писанием писем, которых с каждым годом приходилось писать больше. В этой скорости не было ничего лихорадочного или насильственного, потому что он себя к ней не принуждал. Она вытекала из его природы, в которой соединились «нежность и нервность, ...с мужественной энергией, ...лежавшей в основе его характера, так как лишь благодаря ей он мог делать все то, что делал». Пианист-любитель и певец, дирижер, который «не успел сделаться мастером». И, наконец, чрезвычайно добросовестный и честный преподаватель, который умел «беречь индивидуальность и нравственную независимость молодого артиста, доверившегося его руководству». Ларош ценил в своем друге не только композиторский талант, но и литературное дарование, владение словом. Любовь к литературе была для Чайковского, пожалуй, самым большим пристрастием после музыки. Возможно, так отразилась на его личных взглядах ранняя дружба с Апухтиным, а может, «он сам был в значительной мере рожден литератором». Ларош, прекрасно владеющий словом, не случайно заметил эту же склонность у своего друга. Будучи разносторонне одарен, он мог судить о музыке как музыкант, о литературной одаренности — как прекрасный литератор, о композиторском даре — как композитор. Поэтому именно он оказался настолько близок к Чайковскому, что смог оценить в нем не только музыканта, но и яркую, гармоничную личность. Этому способствовали и бесконечные беседы, совместные походы в театр, переписка. «Когда будут напечатаны его письма, обнаружится, насколько человек, живший в мире аккордов и ритмов, писал яснее, чище, логичнее и изящнее большинства наших современных литераторов по ремеслу», — пишет Ларош.

В своих воспоминаниях о Чайковском он приоткрывает те грани его личности, которые видны лишь другу. Он может говорить о нем, 22-летнем, или же, спустя 30 лет, — о мировой знаменитости. Кто бы мог себе представить, что в юные годы Петр Ильич считал себя «совершенно неспособным» к дирижерству. Так, однажды выступив в Большом театре как дирижер (в 1868 г.), «он лет восемнадцать уже не делал никаких попыток, или, вернее, не поддавался никаким просьбам и приглашениям взять в руки капельмейстерскую палочку». Удивителен для нас и тот факт, что в период 1863 – 1864 гг. к числу предметов, «совершенно ему недоступных», принадлежало также сочинение пьес для фортепиано со смычковыми инструментами, романсов, наконец, фортепианных пьес вообще». Но «лед проломился довольно скоро», и уже летом 1867 года были написаны и первые фортепианные пьесы, и первые романсы...

Ларош открывает еще одно любопытное обстоятельство, вскользь упоминая о том, что в студенческие годы у них был свой «тарабарский» язык. Оказывается, псевдоним, которым Чайковский пользовался, будучи сотрудником «Русских Ведомостей» (Б. Л., что означает — «Бедв Лайцоргций»), явился результатом этой «тарабарщины»...

Татьяна МЕЛИКОВА, студентка ИТФ